

Михаил Александрович Энгельгардт

Чарльз Дарвин. Его жизнь и научная деятельность

Михаил Александрович Энгельгардт
Чарльз Дарвин. Его жизнь
и научная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175484

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Детство и юность	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Михаил Александрович
Энгельгардт
Чарлз Дарвин. Его жизнь
и научная деятельность**

*Биографический очерк М. А. Энгельгардта
С портретом Ч. Дарвина, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Предисловие

Предлагаемый очерк посвящен, главным образом, *жизни* Чарлза Дарвина. Что касается его *учения*, то оно уже было предметом многих популярных книг, которых немало и на русском языке. Всякий мало-мальски образованный человек знает в общих чертах это учение, а если не знает – то должен знать, так как оно лежит в основе всех отраслей биологии и не знать его – значит ничего не знать.

Не касаясь содержания дарвиновской теории, мы попытаемся, однако, определить значение Дарвина в историческом развитии науки – значение, которое лучше всего определяют словами: «Ньютон биологии».

Действительно, ему удалось объяснить общий, основной, универсальный факт, представляемый органическим миром, – факт *родства* между организмами, обнаруживавшийся постепенно благодаря трудам Кювье, Агассица, Бэра и многих других, подавший повод к смутным теориям натур-философов, но истолкованный впервые только Дарвином.

Ему удалось решить величайшую проблему биологии: вопрос о происхождении и развитии органического мира. Можно сказать, что вся история биологических наук распадается на два периода: до Дарвина – бессознательное стремление к установке эволюционного принципа, и после Дарвина – сознательная разработка этого принципа, установленно-

го в «*Происхождении видов*».

Правда, еще до Дарвина Ламарк, Сент-Илер, Окен и другие пытались установить этот принцип, но неудачные попытки не могут идти в счет. Книга Дарвина так же относится к этим попыткам, как драмы Шекспира к новеллам, из которых он заимствовал свои сюжеты: тема одна и та же, но на этом сходство и кончается. А в науке, как и в литературе, важна не тема, а ее выполнение. И если мы вспоминаем еще о теориях Ламарка и других, то только благодаря Дарвину, как историк литературы ради Шекспира вспоминает о Голиншеде, авторе хроники о короле Лире, или Банделло, авторе «Смерти двух несчастнейших любовников», давшей сюжет для «Ромео и Джульетты».

Этот взгляд на Дарвина, высказанный здесь в нескольких словах, будет подробнее развит в одной из глав нашей книги.

Главным пособием при составлении нашего очерка служила обширная биография или, лучше сказать, материалы для биографии, изданные Фрэнсисом Дарвином (*Life and Letters of Ch. Darwin*, ed. by his son F. Darwin. 3 vol., 1887). Кроме того, мы пользовались различными книгами и статьями: *Тимиразева* («Дарвин как тип ученого»), *Амена* («Чарлз Дарвин»), *Геккеля* и других.

Глава I. Детство и юность

Самообучение – лучшая школа, и уроки такой школы наиболее заслуживают получаемую ими награду.

Г. Марш

Предки Дарвина. – Роберт Уоринг Дарвин. – Наследственность таланта в семье Дарвинов. – Детство Чарлза Дарвина. – Его любовь к отцу. – Неспособность к наукам. – Охота и коллекционирование. – Упреки отца. – Характер Дарвина: мягкосердечие, склонность ко лжи в детстве. – Эдинбургский университет. – Занятия медициной. – Знакомство с натуралистами. – Отлынивание от науки. – Мысль о духовной карьере. – Кембридж. – Профессор Генсло. – Охота и экскурсии. – Посредственные успехи в науках. – Времяпровождение в Кембридже

Дарвины были довольно богатые землевладельцы в Линкольншире. Сведения об этой фамилии сохранились с начала XVI столетия. Многие из членов ее занимались науками

с большим или меньшим успехом, почему семейство Дарвинов часто приводится в пример наследственности таланта. Прадед Чарлза Дарвина, Роберт, «человек любознательный и питавший склонность к науке и литературе», занимался ими как дилетант и никаких осязательных следов своей деятельности не оставил.

Его сыновья – Роберт и Эразм – были уже не на шутку учеными. Роберт написал «*Principia botanica*» («Начала ботаники»), выдержавшую несколько изданий; Эразм – целый ряд поэтических и ученых произведений, из которых особенно замечательна «Зоономия», книга довольно бледная в научном отношении, но интересная потому, что в ней излагается учение о происхождении органического мира из первичного «основного волокна». Излагается в духе того времени: смутная полуфантастическая гипотеза о превращении видов путем изменения привычек и добровольного приспособления к новым условиям жизни.

Когда говорят о Дарвине, почти всегда упоминают и о его деде. Геккель видит здесь явление атавизма: гений Эразма передался внуку, минуя сына.

Должно заметить, однако, что в направлении и характере деятельности деда и внука нет ничего общего. Эразм был поэт – вычурный и риторический; Чарлз никогда не писал стихов, да и читать их мог только в молодости. Если стихи Эразма отзываются ученостью, то и ученость его сбивается на поэзию: он вовсе не обладал способностью к тщательно-

му наблюдению и строгим выводам из фактов, то есть к тому, что составляло главную силу и характернейшую черту его внука. Он был мыслителем ламарковского типа: чувствуя свое бессилие в области фактов, уstraшенные их необъятной грудой, эти мыслители охотно бросаются в область фантазии. Автор «Происхождения видов» никогда не прибегал к фантазиям: он не нуждался в них, он чувствовал к ним глубокое отвращение, да и понятно почему – его могучий ум не терялся в лабиринте бесконечно разнообразных явлений и мог доходить до величайших обобщений, ни на минуту не оставляя твердой фактической почвы.

Эразм Дарвин имел трех сыновей: старший занимался физиологией, получил золотую медаль за одну из своих работ и вообще, как говорится, «подавал большие надежды», но умер двадцати лет, заразившись трупным ядом; второй писал стихи, занимался нумизматикой и статистикой и кончил самоубийством вследствие помешательства; третий, Роберт Уоринг, отец Чарлза Дарвина, родившийся в 1766 году, по желанию отца посвятил себя медицине.

Он не оставил никаких ученых исследований, но, кажется, соединял в себе все качества, необходимые для хорошего практикующего врача. Во-первых, он не любил медицину, не верил в нее и начал заниматься ею скрепя сердце, по настояниям отца. Мысль об операции приводила его в ужас; даже кровопускание, любимое тогдашнее средство против чуть ли не всех болезней, встречало в нем решительного противни-

ка. Зная отзывы теперешних медиков о тогдашних способах лечения, мы должны согласиться, что эти отрицательные достоинства спасли жизнь не одному клиенту Дарвина.

Далее, он обладал большой наблюдательностью, которая дала ему возможность сделаться превосходным диагностом. Ученые доктора, порицавшие его за нелюбовь к микстурам и кровопусканиям, признавали, однако, что он обладает совершенно исключительным даром определять и угадывать ход болезни. Задолго до того, как тифозная горячка была признана особой болезнью, он уже говорил, что под именем тифа смешивают две совершенно различные формы.

При этом он был человек замечательно добрый и гуманный, умел успокоить больного, умел внушить доверие своим пациентам до такой степени, что многие из них – в особенности дамы – приглашали его не столько ради исцеления болезни, сколько для излияния своих горестей.

Он обладал замечательною способностью угадывать людей. Однажды увидев человека, он уже знал его характер. На этот счет сохранилось несколько историй, поистине удивительных, но слишком длинных, чтобы приводить их здесь.

Естественными науками он вовсе не занимался. Из всех его склонностей некоторое отношение к естествознанию имела разве любовь к цветам и садоводству.

Во всяком случае, в пользу учения о наследственности остается факт замечательной наблюдательности, хотя и направленной на другие предметы, чем у Чарлза.

Здесь будет уместно сказать несколько слов об одном заблуждении, довольно распространенном среди публики. Нередко приходится слышать такого рода замечания: «Как может статистический метод доказать что-либо в вопросе о наследственности духовных качеств? Допустим, что вы насчитаете двух-трех-десятерых выдающихся людей в одном и том же семействе; но ведь при этом вы упускаете из виду сотни и тысячи бездарных и посредственных родственников, опровергающих учение о наследственности таланта».

Возражение это основано на недоразумении. Талант или гений представляют редкую индивидуальную особенность, которая, проявившись в той или другой семье, быстро уничтожится, сгладится под влиянием скрещивания, то есть браков с людьми недаровитыми. Стало быть, ни в коем случае талант не может передаваться из поколения в поколение в течение неопределенно долгого времени. Ни в коем случае нельзя ожидать, что сын даровитого человека *непременно* будет даровитым.

Но если талант не имеет склонности передаваться по наследству, то в распределении талантов мы не заметим *никакой* правильности. Между тем, известную правильность мы замечаем. Ф. Гальтон, впервые применивший статистический метод к исследованию этого вопроса, показал, что даровитый человек *почти всегда* имеет даровитых родственников, притом чаще всего в ближайших степенях родства; что это распределение талантов группами есть общее прави-

ло, тогда как одинокие, если можно так выразиться, таланты представляют редкое исключение. Отсюда мы имеем право заключить о стремлении таланта передаваться наследственно. Всем известны примеры вроде семьи Бернулли, давшей ряд блестящих математиков, Бахов, у которых музыкальный талант передавался в течение многих поколений, или наших Аксаковых, Тургеневых, Верещагиных... Это наиболее яркие случаи общераспространенного явления, и к числу этих ярких случаев относится семья Дарвинов. Кроме упомянутых уже нами лиц, в числе родственников Дарвина можно насчитать не менее десятка лиц с несомненным, часто крупным дарованием, каковы, например: Ф. Гальтон, Эдуард Дарвин, талантливый популяризатор и наблюдатель жизни животных, Иосия Веджвуд, филолог Г. Веджвуд и другие.

Роберт Уоринг Дарвин женился в 1796 году на Сусанне Веджвуд, дочери знаменитого гончара Иосии Веджвуда.

От этого брака родились два сына и три дочери. Младший из сыновей – Чарлз Роберт, будущий преобразователь науки – впервые увидел свет 12 февраля 1809 года в городе Шрюсбери, где его отец занимался практикой.

Детство свое Чарлз провел в Шрюсбери. Мать его умерла в 1817 году, когда ему было 8 лет; о ней не осталось у него никаких воспоминаний.

Зато отец имел большое значение в его жизни. По крайней мере, он сумел возбудить величайшую привязанность к себе со стороны сына. Обо всем, что касалось отца, о его за-

нятиях, привычках, обстановке сохранилось у Чарлза замечательно ясное воспоминание. Он отзывался о нем как об «умнейшем человеке, которого когда-либо знал», восхищался им и безусловно верил всему, что слышал от него.

Между тем, как увидим ниже, отец относился к нему не всегда справедливо.

Эта несправедливость вызывалась плохими успехами Чарлза в науках. Он был неспособен к школьному обучению и не чувствовал к нему никакой охоты. На девятом году отдали его в элементарную школу; тут он оставался год и значительно отставал в успехах от своей сестры Катерины; в следующем году перешел в гимназию доктора Бётлера, где пробыл семь лет.

«Ничто не могло быть вреднее для моего духовного развития, чем школа доктора Бётлера, – говорит Дарвин в своей автобиографии, – потому что преподавание в ней имело характер исключительно классический».

Главным образом, конечно, в ней налегали на языки – а Дарвин никогда не мог хорошо овладеть ни одним языком.

Большое значение придавалось писанию стихов – Дарвин не имел ни капли стихотворного таланта и, хотя в молодости с удовольствием читал некоторые оды Горация, исторические драмы Шекспира, «Потерянный рай» Мильтона и тому подобное, но впоследствии положительно не выносил поэзии.

Вообще, в школе преподавалось именно то, к чему он был

неспособен, и не было того, что могло бы его заинтересовать. Вследствие этого ученье шло довольно туго. Ненависть к классическому образованию и недоверие к школам вообще – вот, кажется, все, что вынес Дарвин из гимназии Бётлера. «Никто не ненавидит больше меня старое стереотипное бессмысленное классическое образование», – говорил он впоследствии.

Но параллельно с этой бесполезной муштровкой шло обучение в другой, более обширной школе. Любовь и интерес к природе обнаружилились у Дарвина очень рано, лет с восьми. Сначала они могли выразиться, разумеется, только в виде коллекционерской и охотничьей страсти. Он собирал растения, минералы, раковины, насекомых, даже печати, автографы, монеты и тому подобное, рано пристрастился к рыбной ловле и целые часы проводил с удочкой, – но особенно полюбил охоту.

Конечно, эти занятия казались его родным и знакомым простым шалопайством. Даже отец, проницательный и тонкий психолог, не видел в них ничего другого и, огорчаясь скромными успехами сына в школьных занятиях, заметил ему однажды: «У тебя только и есть интереса, что к стрельбе, возне с собаками и ловле крыс; ты будешь позором для себя и для своей семьи!»

«Мой отец, – замечает по этому поводу Дарвин, – хотя и добрейший из людей, которых я когда-либо знал, был, вероятно, очень раздражен и не совсем справедлив, когда гово-

рил эти слова».

Как бы то ни было, порицания и упреки не могли подавить его охотничьей страсти. К концу своего пребывания в школе Бётлера он сделался отличным стрелком. «Я думаю, – говорит он, – никто не влагал столько усердия в самое святое дело, сколько я – в охоту на птиц». Он собирал также птичьи гнезда, яйца; наблюдал за жизнью и нравами птиц и в своем увлечении удивлялся, почему все взрослые люди не сделаются орнитологами.

Мягкосердечная натура его возмущалась страданиями раненых животных; он даже пытался бросить стрельбу, но страсть к охоте пересиливала сострадание. Вообще, мягкость, добродушие, почти болезненная чувствительность к чужим страданиям проявились у него очень рано. Жестокость, вернее бесчувственность, свойственная детям, была ему чужда. Отыскав гнездо, он никогда не брал из него всю кладку, а ограничивался одним яйцом, чтобы не слишком огорчать родителей. Ударив какую-нибудь собачонку, он долго не мог успокоиться и мучился угрызениями совести. Червей, служивших для ловли рыбы, убивал соленой водой, чтобы не мучились долго на удочке.

Кстати, упомянем здесь о другой черте его характера. «Я должен признаться, – рассказывает он в своей автобиографии, – что в детстве был очень склонен выдумывать неправдоподобные истории с целью вызвать переполох. Так, например, я набрал однажды в саду моего отца кучу плодов, спря-

тал ее в кустарник и опрометью побежал сообщить, что я нашел кучу украденных плодов».

Вот фактическое опровержение пословицы «Каков в колыбельке, таков и в могилку».

В последнее время школьной жизни он изучал химию. Старший брат его, Эразм, устроил небольшую лабораторию, и Чарлз помогал ему во всех опытах. При этом он прочел несколько книг по химии. Директор гимназии был очень недоволен этими занятиями и публично порицал Дарвина за такое пустое времяпровождение.

В 1825 году, убедившись, что из школьных занятий Чарлза не выйдет особенного толку, отец взял его из гимназии и отправил в Эдинбургский университет готовить к медицинской карьере. «Вскоре, однако, – говорит Дарвин, – я убедился, что отец оставит мне достаточное для жизни состояние; этого убеждения было довольно, чтобы уничтожить всякое серьезное стремление изучать медицину».

Впрочем, одно время он довольно успешно занимался врачебной практикой под руководством отца. «Летом, перед поступлением в Эдинбургский университет, я начал посещать бедных людей в Шрюсбери, в особенности детей и женщин, и составлял такие полные описания болезненных случаев со всеми симптомами, какие только мог; отец проверял их и давал мне советы насчет лекарств, которые я потом сам приготавливал. Одно время я имел с дюжину пациентов и очень интересовался своей деятельностью. Мой отец, уме-

ший лучше чем кто-либо оценить характер человека, сказал, что я буду иметь успех в качестве врача. Он считал главным элементом успеха умение вызывать доверие; но почему он думал, что я обладаю этой способностью – я не знаю».

Однако занятия эти вскоре прекратились: очевидно, интерес, представляемый медициной, был слишком узок для Дарвина, интересовавшегося всей вообще природой.

Занятия в Эдинбургском университете также шли не особенно блестяще. Есть люди, решительно неспособные идти по проторенному пути, поглощать учебники и пожинать школьные лавры. Дарвин был из таких людей. Лекции казались ему нестерпимо скучными. «Я ненавижу самое имя *materia medica*, – писал он впоследствии, – с тех пор, как слушал лекции Дункана... Лекции по анатомии были так же скучны, как сам профессор, читавший их, и внушили мне отвращение к предмету». Впоследствии Дарвин сожалел о том, что не научился здесь анатомировать. Лекции по геологии произвели на него такое впечатление, что он решил на будущее время не брать в руки геологической книги и никогда не заниматься этой наукой. Вообще же он пришел к заключению, что «лекции не имеют никакого преимущества, а, напротив, много невыгодных сторон сравнительно с собственным чтением».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.